

АФФИКСАЛЬНАЯ ДЕКОРРЕЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕТАФОР

Аннотация. В статье рассматривается один из способов формирования словообразовательной метафоры в истории русского языка – утрата первичного значения производного слова вследствие аффиксальной декорреляции. Анализируются причины аффиксальной декорреляции, следствием которой является изменение значения словообразовательного типа и опрощение.

Ключевые слова: словообразовательная метафора, производное слово, аффиксальная декорреляция, словообразовательный тип.

Abstract. The article studies one of the ways of the metaphoric word-formation in the history of the Russian language – the loss of the first meaning of the derivative word due to the affix decorrelation. The article analyses the reasons of affix decorrelation, the result of which is the changing of the meaning of the word-formative type and the formation of a simple word.

Keyword: a word-formative metaphor, a derivative word, affix decorrelation, a word-formative type.

I

Словообразовательными метафорами (иначе – производными с метафорической мотивацией [1]) называются производные слова, соотносящиеся с прямым значением производящего, но трансформирующие его в метафорическое значение: *змея – змеиться, сова – советь, сердце – сердцевина, нога – подножие, бросать – броский* и др. [2].

Словообразовательная метафора (СМ) всегда рассматривалась с точки зрения семантических связей ее с мотивирующим словом, т.е. на материале современного языка, в связи с чем выделялись различные степени мотивированности, или производности [3–5]. Но синхронный подход предполагает изучение *результата*, тогда как процесс становления словообразовательных метафор весьма своеобразен и прихотлив. СМ – явление весьма разнородное по своему происхождению; она могла возникать: 1) в самом деривационном акте; 2) вследствие утраты первичного (прямого) значения производного; 3) как результат словообразовательного или семантического калькирования (об этом см. подробнее в [6]).

Многие словообразовательные метафоры исторически восходят к метафорам лексическим, т.е. их переносное значение исконно – результат внутрисловной деривации: **быстротечный** – ‘текущий, льющийся быстро’; **легковесный** – ‘имеющий малый или недостаточный вес’; **веский** – ‘имеющий много весу при малом объеме’ [7]; **молокосос** – ‘питающийся материнским молоком’ [8]. В настоящее время эти значения считаются устаревшими или мыслятся как окказиональные (*молокосос*). В новых толковых словарях они вообще не фиксируются, однако могут быть подвергнуты приему буквализации: *По чевенгурским дворам процветало множество трав* (А. Платонов).

Утрата первичного значения производного слова происходила: а) вследствие архаизации первичного значения; б) вследствие изменения значения морфемы (аффиксальная декорреляция).

II

В настоящей статье рассматриваются словообразовательные метафоры, которые возникли в результате аффиксальной декорреляции, т.е. изменения значения форманта или значения словообразовательного типа. Словообразовательный тип, как и любая языковая единица, – явление динамическое. Он может как расширять, так и сужать объем мотивирующих слов. Расширение/сужение объема происходит не только в количественном, но и в качественном плане – меняется лексический состав производящих основ, смысловое соотношение между производным и производящим.

Изменения значения формантов наблюдаем прежде всего в производных глаголах.

Так, глаголы **огреть** и **взгреть** обозначали ‘сделать теплым, нагреть’ и ‘разогреть’ соответственно: *И се на лица пустыни аки семя бело и аки ледъ на земли... идеже **огрешие** солнце, растаяше; Всякие суды, ковши и братини, воды **взгревь** изутра, избу затопивъ, перемыти и вытерти* [9]. Эти значения фиксируются еще в [7] без каких бы то ни было помет. Однако уже в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [10] слово **взгреть** дается как словообразовательная метафора – ‘отколотить, побить; выругать’: ***Взгреют**, конечно, за каждый лишний денек, будь готов!* (О. Павлов), а прямое значение глагола **огреть** ‘обогреть’ дано с пометой «областное». Причем именно в этом словаре впервые фиксируется переносное значение глагола **взгреть**, тогда как значение ‘ударить’ глагола **огреть** существовало уже в старорусском языке: *Прииол Давид, почел ерша давить; прииол Андрей да ерша **агрел*** [9]. Форманты **о-** и **вз-** какое-то время конкурируют с другими префиксами, имеющими подобное значение – *раз-*, *на-*, *подо-* (*разогреть, нагреть, подогреть*), но в итоге конкуренции не выдерживают, поскольку в процессе языковой эволюции за ними закрепляются другие значения.

Глагол **всадить** имел значение ‘поместить, заключить куда-либо; посадить’: *Изяславъ же... дружину его исковавъ расточи, а Ростислава **всади** въ лодью* [11], т.е. он относился к словообразовательному типу со значением ‘переместить предмет внутрь пространства’. В XVII в. появляется значение ‘с силой воткнуть, вонзить’: *...да **всадилъ** бы я свое булатное копье въ твое товолжаное ратовище и утешилъ бы я, молодець, свою мысль молодецкую* [9]. В этом ЛСВ глагол реализует значение словообразовательного типа ‘перемещение предмета в среду другого предмета’ (*вогнать, воткнуть, вколоть, впрыснуть*). Вторичное значение закрепляется в дальнейшем как основное – в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова фиксируется только оно, а семантику перемещения внутрь пространства выражает приставка **по-**.

В рассмотренных примерах мы наблюдаем случаи семантического опрощения, поскольку в современном языке связь между производным и производящим в словообразовательных парах *греть – огреть, греть – взгреть* и *садить – всадить* ощущается прежде всего на формальном уровне. Установление смысловой связи возможно только с помощью специального семантического анализа.

Глагол **избегать** имел два значения – ‘уходить, убегать’: *Глагола рабыня: сквернаве да не внидеши въ домъ, ибо **избегнутъ** вси вонъ* и ‘уклоняться // спастись, уберечься’ [8]: *По несчастию его, и в статской службе не **избегнул** того, что оставляя военную, удалиться хотел* (А. Н. Радищев). Дело

в том, что в древнерусском языке приставка **изъ-** в сочетании с глаголами движения обозначала 'направленность движения от чего-то' или 'направленность движения изнутри': *излезти* 'выйти, уйти откуда-либо', *изъехати* 'выехать, уехать', *изходити* 'выходить, уходить откуда-либо', *изтекти* 'вытекать', *излетети* 'вылететь, улететь' [11]. Впоследствии эти значения закрепились соответственно за приставками **у-** (*убежать*, *улететь*, *уйти*, *уплыть*) и **вы-** (*выбежать*, *вылететь*, *выйти*, *выплыть*), а приставка **из-** стала обозначать 'удаление предмета'. В «Словаре Академии Российской» [12] у глагола *избегать* фиксируется только значение 'уклоняться от чего-либо // сторониться'.

У глагола **казниться** 'страд. к казнить': *Змеи того ради смертию казнятся, яко да техъ наказаниемъ прочии въ чувство придуть и исправятся* [8] страдательное значение постфикса **-ся** меняется на собственно-возвратное 'испытывать нравственные страдания, терзаться, сознавая свою вину и раскаиваясь': *Пред Аничкой своей казнился, убивался, мысленно из Новгорода к ней на коленях полз, туфельки ее целовал* (Б. Васильев). Страдательное значение в настоящее время выражается формой страдательного причастия: *Да, злодеи казнены, злодеи осуждены, однако «вторые Рылевы» зовут к топору* (Ю. Давыдов).

В некоторых случаях формант закреплялся за производными определенного типа, остальные производные либо утрачивались, либо сохранялись с переносным значением. Например, отглагольные прилагательные с суффиксом **-лив-** обозначают 'склонный к действию, названному мотивирующим словом': *пугливый, болтливый, ворчливый* и др. Значение прилагательного **щекотливый** 'боящийся щекотки' не отвечало семантике типа, поскольку обозначало как раз не склонного к действию, во-первых, а во-вторых, само действие в этом случае направлено на субъект: *Приказный был заведомо необыкновенно щекотлив, до того, что с ним делались судороги, если его кто-нибудь из товарищей хватал для смеха за колено* (Н. Лесков). Вследствие этого прилагательное сохранилось в значении 'требующий большой осмотрительности': *Американцы страшно не любят оказываться в щекотливых, двойственных, неловких положениях* (С. Довлатов).

Значение словообразовательного типа прилагательных с суффиксом **-ист-** – 'характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом'. В нем выделяются два семантических подтипа: 1) 'обладающий тем, что названо мотивирующим словом': *льдистый, слоистый, тенистый, морицинистый, сахаристый, глинистый*; 2) 'имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом': *змеистый, творожистый, пружинистый, бархатистый, еришистый* [13, с. 228].

До первой половины XIX в. первый семантический подтип включал также множество прилагательных, образованных от названий животных: *змеистый, муравьиный, рыбистый, пчелистый, зайчистый*, 'обильный змеями (муравьями, рыбами и т.п.)'. Однако во второй половине XIX в. «в значительной степени меняется лексический состав слов этой группы – в результате изменений словообразовательных связей суффикса. Уходит из употребления группа прилагательных, произведенных от существительных – названий живых существ» [14, с. 447]. Из отзооморфных образований в современном русском языке сохранились только два – в переносном значении –

ершистый ‘неуступчивый, обидчивый, колючий’: – *Уж не знаю, право, как и быть, – жаловалась Варвара, – ершистый такой стал, что просто страх* (Ф. Сологуб), и **змеистый** ‘напоминающий движущуюся змею, извилистый’: *Навстречу машине бежала и бежала поземка дымными змеистыми струями* (Б. Екимов), т.е. они «перекочевали» из первого подтипа во второй.

Существительные с суффиксом **-ств(о)** мотивируются существительными и прилагательными (прилагательное выступает как формальный мотиватор, а опосредованно они также мотивируются существительными) и обозначают ‘свойство или занятие лица’ [13, с. 178, 198]: *лихоимство, невежество, геройство, чудачество, барство* и т.п. Причем уже в XIX в. «в системе существительных данный формант стремится ограничить сферу своего функционирования пределами основ существительных со значением лица» [14, с. 119]. Небольшую группу составляют имена, образованные от названий животных: *зверство, скотство, хищничество, свинство*. Некоторые из них изначально имели значение ‘свойство животного, названного в производящей основе’: **хищничество** ‘свойство хищника’: *Они [дикие коты] живут хищничеством и душат маленьких воробьев в самых их гнездах* (Н. Гоголь); **зверство** ‘свойство зверя’: *Модстрихи бы тотъ часъ взявъ въ помощь суеврство и человечество преобратили въ зверство* [8].

Однако этот тип оказался непродуктивным, поэтому на первый план стали выдвигаться переносные значения отзоонимных имен: *К ней лютым зверством обуюнна, / Защиты обнажила меч* (В. Капнист); *Образ жизни итальянский, то есть весьма много свинства* (Д. Фонвизин), которые вытесняют первичные значения и становятся единственными.

Семантические изменения совсем иного типа наблюдаем в производных **ребячество** и **школьничество**, которые также относились к словообразовательному типу ‘свойство или занятие лица’ и имели значения ‘детский возраст, детство’ и ‘школьный возраст’ [8] соответственно: *Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка* (А. Пушкин); *Тридцать лет! Половина жизни. Двенадцать лет ребячества, четыре школьничества, шесть юности* (А. Герцен). Затем у существительных развились процессуальные значения оценочного характера: ‘поведение, поступки, свойственные детям’ и ‘несерьезное поведение, свойственное школьнику’: *Тут решительно одно только школьничество – глупое, скверное, за которое следует строжайше наказать* (Ф. Достоевский); *Я направился к выходу, уговаривал себя не оглядываться – в конце концов, что за ребячество!* (Б. Акунин). В своих прямых значениях существительные были вытеснены словами **детство** и **ученичество**, а переносные значения стали соотноситься с глаголами **ребячиться** ‘вести себя по-детски, шаловливо, несерьезно’ и **школьничать** ‘вести себя так, как это свойственно школьнику’. Таким образом, в данных производных не только произошла суффиксальная декорреляция (качественное значение суффикса **-ств(о)** поменялось на процессуальное), но изменилось направление мотивации: непосредственно существительные мотивируются глаголами (*ребячиться* → *ребячество*, *школьничать* → *школьничество*), а опосредованно – существительными, что находит отражение в толковании лексического значения.

Существительное **проходимец** обозначает в современном языке ‘мошенник, негодяй, прохвост’: *Как ты на это смотришь, не продать ли нам*

дом этому типу, он наверняка подлец и **проходимец**, какой-нибудь прораб или завхоз (С. Соколов). До начала XX в. основным значением слова было 'прохожий', в [7] оно дается с пометой «устар. и обл.»: *Случайно зашедшие в деревню или вступившие в беседу прохожие, **проходимцы**, путешественники* (А. Грандильевский). Однако производные с суффиксом **-енец**, мотивированные прилагательными и страдательными причастиями, стали обозначать 'лиц по характерному качеству или действию', т.е. в их значении обязательно присутствует оценочность. Прямое значение существительного *проходимец* не соответствовало семантике типа, поэтому оно было вытеснено переносным ЛСВ.

Таким образом, аффиксальная декорреляция приводит не только к вытеснению переносного значения прямым, но и к установлению новых мотивационных отношений между производным и производящим – метафорических. Степень образности метафорического значения обуславливает характер смысловой связи между словами, которая в некоторых случаях достаточно прозрачна (*щекотать* – *щекотливый*, *змея* – *змеистый*), но иногда почти не ощущается (*греть* – *взгреть*, *садить* – *всадить*). Слабая связь между производным и производящим приводит к семантическому опрощению, и только четко осознаваемая расчлененность структуры производного позволяет сохранять в языковом сознании его структурно-смысловую связь с производящим.

Список литературы

1. **Лопатин, В. В.** Метафорическая мотивации в русском словообразовании / В. В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 53–57.
2. **Козинец, С. Б.** Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем / С. Б. Козинец // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 61–70.
3. **Ермакова, О. П.** К уточнению отношений словообразовательной производности / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Russian Linguistik. – 1991. – Вып. 15. – С. 105–116.
4. **Улукханов, И. С.** О степенях словообразовательной мотивированности слов / И. С. Улукханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 74–89.
5. **Ширшов, И. А.** Типы словообразовательной мотивированности / И. А. Ширшов // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 41–54.
6. **Козинец, С. Б.** Диахронический подход к изучению словообразовательной метафоры / С. Б. Козинец // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып. 9. – Владикавказ : Изд-во Северо-Осет. гос. ун-та, 2007. – С. 243–245.
7. Словарь современного русского литературного языка. – М. ; Л., 1950–1964. – Т. 1–17.
8. Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 1–20. – Л., 1984–2003.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–26. – М. : Наука, 1975–2002.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : Вече, 2001. – Т. 1–4.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М. : Русский язык, 1988–2004. – Т. 1–7.
12. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806–1822. – Ч. 1–6.

13. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1.
14. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. / под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1964. – 600 с.
-

Козинец Сергей Борисович

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка, Московский
педагогический государственный
университет

E-mail: kozinec74@mail.ru

Kozinets Sergey Borisovich

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Russian language, Moscow
Pedagogical State University

УДК 482-53

Козинец, С. Б.

**Аффиксальная декорреляция как фактор развития словообразова-
тельных метафор / С. Б. Козинец // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 100–105.**